

ОТЗЫВ

члена диссертационного совета на диссертацию Агафоновой Марины Павловны на тему
“Динамика таджикско-русской интерференции в разных типах речи при реализации
супрасегментных единиц”,
представленную на соискание учёной степени кандидата филологических наук
по специальности 10.02.19 – теория языка

Диссертация Агафоновой Марины Павловны посвящена решению **важной научной задачи** выявления особенностей таджикско-русской интерференции на просодическом уровне. Работа, несомненно, носит **новаторский характер** в связи с отсутствием данных о динамике проявления интерференции на уровне просодии слова и просодии фразы в речи таджиков, говорящих по-русски. Подобные исследования востребованы, поскольку иностранный акцент на уровне интонации является наиболее устойчивым, а его объективный анализ и особенности восприятия предоставляют данные, полезные как для более глубокого теоретического осмысления механизмов интерференции, так и для решения самых разных прикладных задач – от методики преподавания русского языка как иностранного до автоматического распознавания иностранного акцента и идентификации принадлежности говорящего к тому или иному этносу или группе этносов. Всё это обеспечивает **актуальность** рецензируемой работе.

Важнейшим **авторским вкладом** является определение наиболее устойчивых акустических признаков просодической интерференции, связанных с реализацией ритмической структуры слова и фразы, а именно систематического смещения места словесного ударения и интонационного центра синтагм, а также нарушение синтагматического членения.

В **первой главе** диссертации делается обзор работ, посвящённых проблемам, важным для объекта исследования. Освещаются вопросы билингвизма с точки зрения разных областей знания, языкового контакта и интерференции (индивидуальной и коллективной) на разных уровнях языка, стадии кодового переключения в процессе языкового контакта. Особое внимание уделяется направлениям, в которых происходит межъязыковая интерференция, видам билингвизма и психологическим сложностям общения билингва с монолингвом, рассматриваются особенности и этапы формирования вторичной языковой личности.

Во **второй главе** подробно разбираются вопросы, касающиеся фонетической интерференции, включая виды фонетической обусловленности речевых ошибок и ранжирование возможных

результатов интерференции. Немало внимания уделяется сложному, многоуровневому двуязычию народностей Таджикистана, возникшему в языковой ситуации многообразия диалектов и говоров в условиях разной иерархии интерферирующих систем. Отмечены изменения языковой ситуации и характера интерференции, связанные с сокращением русскоговорящего населения и неоднозначным статусом русского языка, в сторону изучения русского языка как иностранного. Также обозначена методика изучения интерференции, предполагающая выявление как отрицательного, так и положительного переноса. М. П. Агафонова отмечает, что характер интерференции зависит от степени сходства и различия структур взаимодействующих языков. Значительная часть первого раздела второй главы посвящена вопросам просодической интерференции и сложности обучения интонации; представлены результаты анализа просодической интерференции при взаимодействии интонационных систем самых разных языков – германских, славянских, иранских. Кроме того, отмечены разнообразные влияния на таджикский литературный и разговорный разновидности языка, рассмотрена проблематика статуса таджикского языка через призму принципов М. Сводеша и С. Яхонтова. Проведено скрупулёзное сравнение фонетических систем таджикского и персидского языков: ведущих коррелятов словесного ударения; систем единиц интонации, включающих определённое количество интонационных конструкций. При рассмотрении интонационных конструкций проведён сравнительный анализ с использованием интонограмм. В завершение главы сделан прогноз о таджикско-русской интонационной интерференции.

Третья глава представляет собой экспериментальное исследование, проведенное одновременно с помощью слухового и акустического видов анализа и дополненное перцептивными экспериментами. В результате определены наиболее устойчивые искажения просодического оформления. Выявлено, что смещение словесного ударения на последний слог таковым не является даже для таджиков, недолго проживающих на территории РФ. Оказалось, что сдвиг интонационного центра на заударный слог и на сонант, не свойственный норме русского языка, носит устойчивый характер, равно как и оформление каждого фонетического слова в отдельную синтагму. Анализ мелодики, вопреки прогнозу, значительных отклонений не выявил. Перцептивные эксперименты, результаты которых изложены в главе 3, показывают, во-первых, проблематичность восприятия словесного ударения как такового и его сдвига аудиторами-таджиками, во-вторых неоднозначность восприятия сдвига интонационного центра в ИК-3 (как нормы и как отклонения) в зависимости от возраста аудиторов-русских.

В **заключении** дано аналитическое обобщение полученных результатов теоретического анализа и проделанной экспериментальной работы.

Среди достоинств работы заслуживает упоминания значительный по объёму иллюстративный материал в виде таблиц (19 единиц), диаграмм и графиков (105 единиц). Весь материал высокого качества и хорошей читабельности. Кроме того, диссертант грамотно применяются методики статистической обработки данных. Очень хорошо, что, интерпретируя сдвиг интонационного центра, особенности синтагматического членения и репертуар используемых билингвами интонационных конструкций, Марина Павловна привлекает данные не только классической нормы, но и той, что характерна для молодёжи как собой возрастной категории и спонтанной речи как особого жанра, и это позволяет давать более гибкую интерпретацию данных, например, в случаях с ИК-3 и с ровным тоном. Объясняя те или иные ненормативные реализации, диссидент убедительно излагает причины их возникновения в каждом конкретном случае.

В ходе изучения текста диссертации возникло несколько вопросов.

1. На этапе прогнозирования особенностей таджикско-русской интерференции почему не было сделано предположений относительно того, какие именно ИК будут отсутствовать в русской речи таджиков (в Главе 2 на с. 59 в последнем пункте дан прогноз только о том, какие ИК будут схожими)? Тем более, что необходимыми данными автор располагал.

2. Как Вы считаете, не стоило ли дать группировку дикторов по времени проживания в России? Ведь уровень владения русским языком у таджиков, проживающих на территории РФ полгода, 7 лет и, например, 36 лет гипотетически мог быть разным.

3. В теоретической части работы (напр., на с. 39) было отмечено, что в спонтанной речи интерференция проявляется в большей степени, чем в чтении. Однако из таблицы 2 (с. 67–68) ясно, что по эксперименту в спонтанной речи ошибок оказалось меньше, чем в чтении. Может ли это быть обусловлено чем-то другим помимо незнакомой лексики в тексте для чтения?

4. Как формулировалась задача перед аудиторами-таджиками при проведении эксперимента по восприятию ими места ударения в русском языке? Видите ли Вы другие возможности проведения такого эксперимента, например, при использовании методики простукивания (прохлопывания) или каких-то других понятных для наивных носителей языка способов выявления ударного слога в слове?

При общем положительном впечатлении, работа М. П. Агафоновой не лишена недостатков. Во-первых, обращает на себя внимание не совсем логичное структурирование информации по интерференции на разных уровнях. В первой главе вскользь упомянуто о грамматической ин-

терференции, заметно подробнее дана лексическая интерференция (указаны её виды), фонетическая интерференция, без обозначения этим общим термином, появляется в самом конце первой главы в виде упоминания супрасегментных характеристик, которые находятся в единстве с нарушениями на сегментном уровне (с. 29). Разумеется, фонетической интерференции посвящена Глава 2, но она начинается с общих сведений об интерференции (с. 30 1-ый абзац), которые стоило бы отнести в первую главу, которую следовало бы закончить чётким определением фонетической интерференции с ссылкой ко второй главе, в которой эти вопросы будут подробно изложены.

Во-вторых, непонятно, почему во второй главе есть таблица с персидскими интонационными конструкциями, но нет с таджикскими и русскими. Тот факт, что у таджикского и персидского одна интонационная система, должен предполагать сведение однотипных данных по двум языкам в одну таблицу с соответствующим заголовком, а рассмотрение таджикско-русской интонационной интерференции подразумевает включение в таблицу данных по контуру ЧОТ и интонационному центру и русских интонационных типов. Сравнительная таблица всё же появляется, но значительно позже – в Главе 3 на с. 90–92. Это, конечно, создаёт некую интригу, но, на мой взгляд, для читателя была бы более удобной другая организация теории и материала.

В-третьих, имели место некоторые нарушения синтаксиса, в частности, на с. 4 первое предложение в формулировке степени изученности проблемы (вторая его часть), синтаксически спорное оформление маркированных списков: с. 5–6 (пункты, отражающие задачи, не представляют собой отдельных предложений, но оформляются с прописных букв, а завершаются точкой с запятой), схожие нарушения на с. 15 (два типа интерференции). Помимо этого, отмечены некоторые другие грамматические погрешности, например, сомнительное употребление множественного числа для термина «межкультурная коммуникация» (с. 28, 2-й абзац снизу), рассогласование падежей в «самого явление» вместо «самого явления» (с. 31, 2-й абзац, 1-я строка), рассогласование по числу (с. 37, первая строка второго абзаца: Начало ... были) и некоторые другие. Встречались пунктуационные ошибки (вводное слово *действительно* было ограничено запятой только с одной стороны вместо положенных двух на с. 45 в последнем абзаце; отсутствовала запятая, отграничивающая причастный оборот справа на с. 50 2-ой абзац с конца, 2-е предложение).

В работе имеются стилистические погрешности:

С. 5: ...являются проявления (в формулировке объекта), С. 8: проявления конкретных проявлений, а также С. 99 (2-ой абзац) – тавтология.

C. 65, 69: сомнительна правильность выражений «глава 2.4», «глава 3.3.1» – речь, разумеется, идёт о пунктах.

Отмечено некоторое количество опечаток и технических сбоев.

Опечатки: с. 4, 5, 7 (сноска 2), с. 64 (и в целом по всей работе): подмена тире дефисом; с. 11 последний абзац, а также см. конец оглавления: путаница с числом вводит читателя в заблуждение относительно количества приложений (одно или несколько); в начале Главы 3 (в анонсе содержания данной главы на с. 60) ошибочно сказано, что список ожидаемых особенностей интерференции сформирован по результатам Главы 1, хотя литературные данные по интонационной интерференции приведены в Главе 2.

Технические сбои: у Приложений 5, 6, 7, 8, 9, 10 отсутствуют названия (с. 161, 167, 168, 173, 176, 208); в списке литературы отсутствуют работы Г. Шухардта, Н. Трубецкого, Р. Якобсона (хотя фамилии упоминаются на с. 14), некорректное завершение и начало строк на с. 12, 18, 33, 36, 37, 45, 48, 55, 66, 69 … 137 (разрывы инициалов и фамилии, цифр и единиц измерения), название расположено отдельно от рисунка (рис. 17) на с. 123–124, 140–141 (рис. 39), имеется таблица без нумерации на с. 121.

Перевод диссертации выполнен в целом качественно (хороший стиль, правильные терминология и метаязык лингвистического описания, удачный выбор дискурсивных маркеров, политкорректное использование местоимений). Вместе с тем некоторые формулировки могут вызвать возражение. Прежде всего в названии диссертации было бы лучше перевести супрасегментные единицы как *units*, а не как *items* (с. 211), аналогично *интонационные конструкции* в названии пункта 3.3.5 как *intonation unit*, а не *intonation construction*, а также *Previous studies/research* вместо *Extent of previous research* (с. 214), *teaching Russian as L2* вместо *teaching the Russian language to foreigners* (с. 215), *I hypothesize* вместо *we put forward a hypothesis*, *acoustic study* вместо *instrumental examination* (с. 283), *mean values* вместо *average values* (с. 289) и т. д. В целом на с. 215–216 имеются формулировки, не характерные для диссертаций на английском языке (предмет, научная новизна, теоретическая и практическая значимость, источники материала, представление положений на защиту). Эти погрешности метаязыка концентрируются во Введении и не присутствуют в остальных частях диссертации. Кроме того, диссертант систематически ошибочно использует местоимение *we*, что следует делать только в работах, выполненных в соавторстве. Для диссертаций принято местоимение *I*, либо пассивная конструкция. Отмечу также непоследовательную аббревиацию в *Accent unit (AE)* – должно быть *AU* (с. 331). Ну и в рисунках

вместо *ровный тон* надо было дать *level tone*, коль скоро материал рисунков и таблиц переведён. Наконец, в переводе имеются некоторые опечатки, например *it* вместо *in* в *This is observable it the speech* (с. 214).

Подчеркну, что высказанные замечания носят частный характер и не влияют на общую положительную оценку исследования.

По теме диссертации Агафоновой Мариной Павловной опубликовано 3 работы, из них 3 статьи в изданиях, рекомендованных ВАК Министерства образования и науки РФ. Публикации с достаточной полнотой отражают содержание диссертации.

Диссертация Агафоновой Марины Павловны на тему “Динамика таджикско-русской интерференции в разных типах речи при реализации супрасегментных единиц” соответствует основным требованиям, установленным Приказом от 01.09.2016 № 6821/1 «О порядке присуждения ученых степеней в Санкт-Петербургском государственном университете», соискатель Агафонова Марина Павловна заслуживает присуждения учёной степени кандидата филологических наук по специальности 10.02.19. Пункты 9 и 11 указанного порядка диссертантом не нарушены.

Член диссертационного совета
доктор филологических наук, профессор,
профессор кафедры иностранных языков
ФГБОУ ВО «Амурский государственный
университет»

07.10.2021

Андрюсова Светлана Викторовна

